

**ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И
КУЛЬТУР | LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING
LANGUAGES AND CULTURES**

Кринж по-русски: англицизмы в ментальном лексиконе билингвов

Бовшик А.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9482-5449>, e-mail: bovshikas@mgppu.ru

Гайворонская С.О.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2658-7826>, e-mail: gaivoronskaya.light@gmail.com

Статья посвящена экспериментальному изучению особенностей функционирования новых англицизмов (кринж, фейл, фейк, хайп, хейт, вайб, чилл и пранк) в ментальном лексиконе билингвов, для которых родным языком является русский, а иностранным – английский. Процесс заимствования английских слов сегодня характеризуется рядом интересных свойств: беспрецедентным объемом англицизмов, значительным расширением области применения модных неологизмов английского происхождения, отсутствием прочно зафиксированной орфографической нормы названных лексических единиц. В теоретической части исследования рассмотрено психолингвистическое понятие (билингвального) ментального лексикона, нужное для описания набора семантических структур, используемых человеком для формирования и выражения мыслей, а также для исследования результатов данных процессов – репрезентаций. Кроме того, изучена специфика билингвального ментального лексикона.

Качественный и количественный анализ результатов ассоциативного эксперимента позволил сделать важный вывод о том, что развитое билингвальное сознание, с одной стороны способствует обращению к иноязычной лексике, с другой стороны, препятствует ее полноценному заимствованию. Так, высокий уровень языковой компетенции на английском языке сдерживает процесс ресемантизации и ассимиляции известного реципиенту английского слова и препятствует формированию соответствующего этому слову англицизма. Таким образом, использование билингвами англицизмов характеризуется смещением значения лексемы в сторону соответствующих английских слов.

Бовшик А.С., Гайворонская С.О.
Кринж по-русски: англицизмы в ментальном
лексиконе билингвов
Язык и текст. 2022. Том 9. № 2. С. 91–100.

Bovshik A.S., Gaivoronskaya S.O.
Runglish in Action: Anglicisms in the Bilingual Mental
Lexicon
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 2, pp. 91–100.

Ключевые слова: ментальный лексикон, англицизмы, ассоциативный эксперимент, билингвальное сознание

Для цитаты: Бовшик А.С., Гайворонская С.О. Кринж по-русски: англицизмы в ментальном лексиконе билингвов [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 2. С.91–100. DOI:10.17759/langt.20220902010

Runglish in Action: Anglicisms in the Bilingual Mental Lexicon

Aleksandr S. Bovshik

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9482-5449>, e-mail: bovshikas@mgppu.ru

Svetlana O. Gaivoronskaya

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2658-7826>, e-mail: [e-mail: gaivoronskaya.light@gmail.com](mailto:gaivoronskaya.light@gmail.com)

This paper examines the functioning of some new Anglicisms in the bilingual mental lexicon which consists of Russian as L1 and English as L2, by means of the association experiment.

English-based neologisms of today have a number of interesting features: they exist in abundance, they are used extensively and ubiquitously, many of these words are not subject to a single spelling standard.

The (bilingual) mental lexicon is key to exploring the semantic structures used by individuals to form and express thoughts, as well as to study their lexical representations.

Based on quantitative and qualitative analyses of the free and the controlled association tests, the article concludes that the well-developed bilingual identity, on the one hand, contributes to putting L2 vocabulary knowledge into practice; on the other hand, it prevents L2 lexemes from becoming part of the bilingual's L1. Thus, it is possible to assume that the higher the level of English the less likely it is that certain English words will turn into Anglicisms. Besides, the bilinguals' use of Anglicisms is characterized by a shift in the meaning of the L1 lexemes towards the corresponding English words.

Keywords: mental lexicon, Anglicisms, association method, bilingualism.

For citation: Bovshik A.S., Gaivoronskaya S.O. Runglish in Action: Anglicisms in the Bilingual Mental Lexicon. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 2, pp. 91–100. DOI:10.17759/langt.20220902010 (In Russ.).

Наличие в любом языке заимствований (усвоенных элементов чужого языка) абсолютно естественно и является в широком смысле результатом взаимодействия – культурного, научного, политического, экономического и т.п. – между различными лингвокультурами.

Количество заимствованных слов в отдельно взятом языке может превышать количество исконных (80% заимствований в английском языке) [17].

Согласно немецкому лингвисту Мартину Хаспельмату (M. Haspelmath), высокий процент заимствований является одним из ключевых показателей престижа языка-донора [8]. Мы полагаем, однако, что данное заключение, верное на первый взгляд, нуждается в некотором уточнении: процесс заимствования большого количества иностранных слов может быть вынужденным, а не добровольным. В таком случае речь идет скорее о доминировании, господстве (не просто о престиже) одного языка над другим(и). Так, например, использование слов иностранного происхождения может быть пережитком или признаком колониализма.

В русском языке существует устойчивая традиция, согласно которой заимствованная лексика получает наименование вслед за языком-источником при добавлении словообразовательного суффикса -изм. Так, например, заимствования из арабского языка, языковеды назовут арабизмами, из английского – англицизмами. Заметим, что описанная модель словообразования в качестве своего первого элемента – основы – может содержать не традиционное название известного иностранного языка (ИЯ), но его альтернативу (е.g. галлицизмы – заимствования из французского) или – в отдельных случаях – древнее название народа, государства, страны языка-донора (е.g. богемизмы – заимствования из чешского). Порой название заимствования обозначает группу родственных языков (е.g. тюркизмы).

В отличие от иностранных слов и выражений в родном языке (например, в речи билингвов), заимствования органически встраиваются в систему языка-реципиента, в той или иной степени подчиняясь его обычным паттернам, в первую очередь – фонетическим. Так, не будучи специалистом в области лексикологии, среднестатистический носитель русского языка не всегда сможет легко отличить исконно русские слова (долг, воин) от освоенных иностранных (ярмарка, скамья). «Степень принятия» заимствования языком, т.е. качество и глубина ассимиляции иностранного слова, может варьироваться (ср. свитер, фича, килт), однако отсутствие признаков ассимиляции указывает на то, что процесс заимствования еще не состоялся или не завершен [3].

Примечательно, что английский язык не только имеет наибольшее количество заимствований, но и является основным источником заимствований во всех других языках мира [6]. Интересно, что в различных языках появляются как шуточные, так и нейтральные понятия, призванные отразить тенденцию засилья современных языков англицизмами (например, книга Р. Этьебле "Parlez-vous franglais?" («Вы говорите по-франглийски?»)) [7].

Интенсивность заимствования английской лексики в нашей стране последовательно возрастала на протяжении нескольких десятилетий. Так, отечественный лингвист М. Кронгауз выделяет несколько больших модных волн англицизмов в России: бандитскую, профессиональную и гламурную [3].

Называются различные причины появления все новых и новых англицизмов в русском языке (глобализация, лидерство английского языка как международного, компьютеризация, мода, технологическое первенство США, новые реалии при отсутствии полноценных эквивалентов в родном языке и даже односложность (лаконичность) английских слов [3]. Конечно, очевидно, что глобальные изменения мира, появление новых реалий влечет за

собой и трансформацию языка. Несмотря на то, что слишком быстрые изменения (и мира, и языка) могут вызывать эмоциональное сопротивление, они неизбежны.

Специфика заимствования английских слов в русский язык не ограничивается количественным показателем (за последнее десятилетие объем англицизмов увеличился в 10 раз) [3]. Примечательно также то, что размываются границы употребления новомодных неологизмов, включая такие не вполне мотивированные англицизмы, как кринж, краш, фейл, фейк и т.п. Дело в том, что раньше (например, в 90-е или в начале 2000-х) подобные англицизмы были прерогативой молодежи, и, будучи стилистически маркированными таким образом, оставались молодежным сленгом, иногда сленгом определенных субкультур. Языковая игра, построенная на смешении различных стилей («Убедительная просьба соблюдать чистоту и снимать шузы при входе»), может быть недоступна современному реципиенту, поскольку мода на английские слова растет не только среди молодежи, но и представителей (федеральных) СМИ, которые используют эти слова в нейтральных контекстах [3].

Кроме того, из-за невероятно большого объема новых англицизмов в русском языке, их написание не подчиняется никакому орфографическому стандарту, который просто не успевает быть сформулирован и зафиксирован лексикографами (риелтор, риелтер, риэлтер, риэлтор) [3].

Тем не менее, не освоившись вполне в русскоязычных письменных текстах, англицизмы проникают в сознание носителей русского языка, становясь частью их ментального (русскоязычного) лексикона. При этом такая естественная ассимиляция английских слов всегда предполагает их существенную трансформацию на том или ином языковом уровне: фонетическом, морфологическом, семантическом (денотативном или коннотативном) [12].

Понятие ментального лексикона используется психолингвистами для описания набора семантических структур, используемых человеком для формирования и выражения мыслей, а также для исследования результатов данных процессов – репрезентаций [13].

Впервые термин был использован Э. Трисман (A. Triesman) для описания способности человеческого сознания хранить приобретенный опыт и знания - “внутреннего” словаря, благодаря которому индивиду становятся доступны для восприятия письменные и устные формы слов, а также человек обретает способность формировать ассоциации этих форм с различными значениями [16]. Слова хранятся в абстрактной форме, подкрепленной опытом физического (визуального, аудиального, кинестетического, осязательного, обонятельного, вкусового) и чувственного восприятия, хранение информации обо всех изученных человеком словах и понятиях действительно впечатляет воображение.

Г. Либбен и Г. Ярема (G. Libben, G. Jarema) определяют ментальный лексикон как совокупность знаний, позволяющих реализовывать лексическую активность (lexical activity). При этом под лексической активностью, или деятельностью, учёные понимают не только способность продуцировать лексические единицы в письменной или устной форме, но и воспринимать (узнавать) их в речи других [10].

Система хранения лексического знания имеет чёткую структуру, которая позволяет удерживать безмерное количество информации и вместе с тем осуществлять по ней быстрый поиск. Отдельные слова или передаваемые ими образы достаточно просто образуют отпечаток в памяти и занимают в ней определенное место в соответствии с пониманием этих

образов конкретного человека. Однако информационный след в виде вербальных данных может быть найден в памяти только в том случае, если эти данные хорошо организованы [4].

Дж. М. Эйтчисон в своей работе описывала два типа ментального лексикона [4]: 1) вербальный, 2) ментальный словарь визуализаций.

Первый является типом лексикона, в котором слова остаются в памяти в результате аудиостимуляции (слушания) и реализуются в процессе продуцирования усной речи. Второй – тип лексикона, в котором слова организуются в систему в результате визуального восприятия информации (чтения) и реализуются в письме.

С точки зрения организации когнитивной структуры, билингвальный ментальный лексикон не отличается существенным образом от монолингвального. Данный факт обусловлен особенностями психофизиологических основ функционирования сознания: освоение нового опыта происходит за счёт дополнения единой когнитивной структуры, в результате чего формируется новое знание, вне зависимости от языкового кода [2].

Сформированное в результате нового опыта знание хранится в сознании посредством лексических репрезентаций. Они, в свою очередь, образуют единую смысловую сеть. Парадигму лексического знания можно представить в форме нейронной сети, где один узел – одна лексическая репрезентация. Огромное их множество последовательно организованы и связаны между собой нейронными связями, отличающиеся по своей силе и устойчивости [15].

Поступление извне какой-либо информации активизирует в сознании процессы распознавания, обработки и усвоения информации. На этапе распознавания в ответ на внешний стимул все узлы нейронной сети активизируются одновременно вне зависимости от языка кодирования. Билингвальный ментальный лексикон не обладает свойством произвольно активировать лишь один из языков, которым владеет человек [1].

Лексические заимствования, существующие в монолингвальном русскоязычном лексиконе, полностью подчиняются обозначенному принципу организации и развития внутреннего вокабуляра. Однако функционирование англицизмов в сознании билингов может иметь существенные отличия.

Полноценное заимствование иноязычного слова (лексической единицы) происходит в том случае, когда иноязычное слово переживает трансформацию, обретая признаки родного языка, и уже в таком виде закрепляется в сознании носителей этого языка. Процесс дополнения когнитивной программы новой установкой обычно происходит благодаря сужению семантического наполнения слова (e.g. киллер – профессиональный наемный убийца, но не убийца вообще). Тем не менее, мы допускаем, что в сознании билингва сужение смысла может не происходить. Это связано с тем, что в ментальном лексиконе носителя английского языка (искусственного билингва) функционируют два кода, в рамках которого то или иное понятие занимает определенную позицию и, соответственно, является центром другого ассоциативного поля.

Таким образом, билингвальное сознание парадоксальным образом может являться одновременно причиной обращения к иноязычной лексике и препятствием ее полноценного заимствования. Так, обращение к иноязычной лексике возможно благодаря знанию (в той или иной степени) ИЯ. Однако знание ИЯ на высоком уровне может препятствовать

ресемантизации известного реципиенту слова в ИЯ и «превращению» его в англицизм. Амбивалентный характер функционирования лексики в билингвальном ментальном лексиконе позволяет сделать предположение о том, что использование билингвами англицизмов характеризуется смещением значения лексемы в сторону соответствующих английских слов.

Для того, чтобы понять, каким образом те или иные лексические единицы (например, англицизмы) встроены в структуру ментального лексикона билингов, применяется метод лексических ассоциаций. Названный метод затрагивался в работах исследователей, занимавшихся вопросами овладения как первым, так и вторым (иностранным) языками (Lambert, Miron and Wolfe). В частности, ученых интересовал вопрос о том, по какому признаку в сознании изучающих иностранный язык выстраиваются ассоциативные модели речевого поведения и как они соотносятся с теми, которые характерны для носителей языка [18].

Характер реакции на слово-стимул отображает закономерности мыслительных процессов, свойственных определенному человеку. Соответственно, изучение более простых элементов мышления – например, лексических единиц и присущих им концептов – позволит выявить закономерности функционирования англицизмов в билингвальном сознании: понять, по какому принципу билингвы осуществляют выбор между английскими словами и англицизмами для выстраивания внешней речи.

Обозначенная позиция соответствует ключевой гипотезе представленной статьи: предполагается, что реакцией билингва на стимул (слово или изображение) могут явиться как известные в современном русскоязычном лингвокультурном сообществе англицизмы (кринж, фейл, фейк, чилл, муд, хайп, вайб, хейт, пранк), так и соответствующие им английские слова, поскольку такие лексические пары находятся в пределах одного ассоциативного ядра в системе ассоциации индивида.

Исследование содержания ментального лексикона носителей русского языка, являющихся искусственными билингвами, было проведено посредством комплексного ассоциативного эксперимента, который проводился в два этапа: 1) свободный ассоциативный эксперимент, 2) направленный ассоциативный эксперимент. Данное решение обусловлено необходимостью определить какое место англицизмы занимают в ментальном лексиконе респондентов: являются ли они независимой частью лингво-когнитивной структуры или реализуются через поиск кодового эквивалента в английском языке.

Проведение ассоциативного эксперимента при помощи методики свободного и направленного ассоциирования было ориентировано на установление семантических связей между англо- и русскоязычными понятиями, которые были использованы в качестве стимулов. Некоторые стимулы были представлены в виде популярных в сети Интернет – в частности, в социальных сетях – изображений (мемов).

Первый ассоциативный эксперимент был разделен на две ступени: 1) изучение ассоциативных полей русскоязычных слов, соответствующих по значению исследуемым англицизмам, 2) изучение ассоциативных полей английских слов. Ассоциативные поля сравнивались между собой по семантическому наполнению с целью поиска разницы значений английских слов и англицизмов.

В первой части эксперимента испытуемым были представлены 14 русскоязычных

стимулов и 5 стимулов-изображений. Всего было получено 935 реакций и 43 отказа от реагирования. Среди полученных реакций было выявлено: 1) 128 реакций, выраженных англоязычной лексикой, 2) 65 реакций, выраженных в форме англицизмов, 3) 742 реакции были выражены русскими словами.

На первой ступени респондентам было представлено 9 английских слов-стимулов (*cringe, hure, hate, mood, vibe, fail, fake, chill, prank*), которым в русском языке соответствуют аналогичные сленговые единицы. Было зафиксировано 20 отказов от реагирования. Общее количество полученных реакций составляет 446 лексических единиц, среди которых англоязычных - 160, англицизмов - 70, русских слов - 216 единиц.

Второй этап эксперимента, основанный на методе направленных ассоциаций, был реализован посредством опроса, который содержал 11 стимулов, представленных цепочкой лексем и предложений с пропусками (все стимулы представлены на русском языке). Было зафиксировано два отказа от реагирования. Общее число реакций составило 284 единицы. Среди полученных ответов не было отмечено ни одного англоязычного слова, однако было выявлено 86 случаев, когда в качестве реакции были использованы англицизмы (*хейт, пранк, чилл, вайб, кринж, хайп*). Помимо этого, в количестве двух единиц была представлена лексема “коннект”.

В ответ на 1 из 11 стимулов был представлена только одна русскоязычная лексема реагирования, которая была использована в качестве стимула на предыдущем этапе эксперимента (провал). Ряд лексических цепочек, которые были направлены на высвобождение реакций-англицизмов *фейк, фейл* и *муд* содержали исключительно русскоязычные ответы.

Благодаря результатам второго опроса, удалось, например, установить, что англицизм “хайп” в сознании билингва обладает значением “популярность”. Заметим, что данное слово является стилистически нейтральным, то есть не выражает степень субъективной оценки относительно какого-либо явления. Таковым предстает соответствующее денотативное значение слова “*hure*” в английском языке [15]. В это же время, англицизм “хайп” в рамках массового использования в русскоязычном сообществе всегда имеет отрицательную стилистическую окраску. Данный пример поддерживает обозначенную гипотезу об отмене сужения некоторых значений в билингвальном сознании.

Схожая тенденция может быть выявлена в результате анализа ассоциативных полей, ядром которых являются слова “хейт”, “пранк”, “кринж”, “вайб”.

Количественный анализ результатов показывает, что вне зависимости от языка-стимула, в качестве реакций в сознании билингвов возникают, как английские слова, так и англицизмы. Тем не менее, во всех случаях наиболее часто возникают ассоциации на русском языке. Как правило, этими лексемами реагирования являются переводные эквиваленты понятий первого и второго языков.

Результаты проведённых ассоциативных экспериментов позволяют сделать следующие выводы:

- основным языком мышления вне зависимости от уровня владения иностранным языком в сознании русскоязычной экспериментальной группы остаётся русский;
- предъявление стимула как на родном, так и на иностранном языке вызывает реакции в

форме английских слов и англицизмов в равной степени;

- язык реагирования зависит от устойчивости в сознании того или иного концепта, который, в свою очередь, может быть обусловлен уровнем владения языком;
- ряд англицизмов (кринж, фейл, вайб, пранк, хайп, муд) представляют собой устойчивые лексические единицы в сознании носителей русского языка, вошедших в состав экспериментальной группы, и являются частью их когнитивно-прагматической программы, не вытесняя ранее установленные в сознании эквивалентные русскоязычные концепты (стыд, провал, шутка, шумиха, настроение).

Предположение о низкой степени принятия англицизмов билингвами подтверждается. Вероятно, данный феномен коррелирует с высоким уровнем языковой подготовки респондентов, который обеспечивает понимание исходных значений английских слов, препятствуя овладению соответствующими этим словам англицизмами.

Литература

1. *Голигузова О.А.* Формирование лексических концептов у поздних субординативных билингов как основа их двуязычной компетенции [Электронный ресурс] // Вопросы психолингвистики. 2018. Том 4 (38). С. 150-162. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-leksicheskikh-kontseptov-u-pozdnih-subordinativnyh-bilingvov-kak-osnova-ih-dvuyazychnoy-kompetentsii/pdf> (дата обращения: 15.04.2022).
2. *Залевская А.А.* Слово в лексиконе человека: психолингвистические исследования / А. А. Залевская. 1990. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 204 с.
3. *Кронгауз М.А.* Русский язык на грани нервного срыва. 2008. М.: Издательство Аст, 229 с.
4. *Aitchison J.* Words in the mind: An Introduction to the Mental Lexicon. 2003. Oxford: Blackwell, 223 p.
5. *Baker C., Prys Jones S.* Encyclopedia of Bilingualism and Bilingual Education. 1998. Bristol: Multilingual Matters. 784 p.
6. *Crystal D.* Words. words, words. 2006. Oxford: Oxford University Press. 215 p.
7. *Étiemble R.* Parlez-vous français? 1964. Gallimard, 436 p.
8. *Frances W.* Bilingual Semantic and Conceptual Representation // Handbook of Bilingualism: Psycholinguistic Approaches / Ed. by Judith F. Kroll, Annette M.B. de Groot. 2005. Oxford: Oxford University Press, p. 251-268.
9. *Haspelmath M., Tadmor U.* Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook / Ed. by Haspelmath M., Tadmor U. 2009. Berlin: Mouton de Gruyter, 1081 pp.
10. *Jarema G., Libben G.* The mental lexicon. Volume 2. No 1. 2008. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 147 p.
11. *Kuperman V., Jarema G., Libben G.* The Mental Lexicon Polylogue // Polylogues on the Mental Lexicon: An exploration of fundamental issues and directions. 2010. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, p. 1-23.
12. *Odlin T.* Cross-Linguistic Influence // Language Transfer: Cross-Linguistic Influence in Language Learning. Chapter 15. 1989. Cambridge: Cambridge University Press, p. 436-478. URL:

- http://www.blackwellpublishing.com/content/BPL_Images/Content_store/WWW_Content/9780631217541/16Чар15.pdf (дата обращения: 20.04.2022)
13. Paivio A. *Mental Representations. A Dual-Coding Approach* // Oxford Psychology Series. 1990. No.9. Oxford: Oxford University Press, 322 p.
 14. Pavlenko A. *New Approaches to Concepts in Bilingual Memory* // Bilingualism. 2000. V.3, no. 1. P. 211-212.
 15. Soanes C., Stevenson A. *Oxford Dictionary of Current English*. 2006. New York: Oxford University Press, 1074 p.
 16. Stemmer B., Harry A. *Whitaker Handbook of the Neuroscience of Language*. 2018. New York: Academic Press, 505 p.
 17. Thomason S.G. *Language contact: An Introduction*. 2001. Edinburgh: Edinburgh University Press, 320 p.
 18. Zareva A. *Structure of the second language mental lexicon: how does it compare to native speakers' lexical organization?* // *Second Language Research*. 2007. V.23 (2), p. 123–153. URL: <http://www.jstor.org/stable/43103733> (дата обращения: 27.04.2022).

References

1. Goliguzova O.A. *Formirovanie leksicheskikh konceptov u pozdних subordinativnykh bilingvov kak osnova ih dvujazychnoj kompetencii* [Elektronnyi resurs]. *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2018. Vol. 4, no. 38, p. 150-162. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-leksicheskikh-kontseptov-u-pozdних-subordinativnykh-bilingvov-kak-osnova-ih-dvuyazychnoy-kompetentsii/pdf> (Accessed: 15.04.2022)
2. Zalevskaja A.A. *Slovo v leksikone cheloveka: psiholingvisticheskie issledovaniya*. In A. A. Zalevskaja (ed.). 1990. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 204 p.
3. Krongauz M.A. *Russkij jazyk na grani nervnogo sryva*. 2008. Moscow: Izdatel'stvo Ast, 229 p.
4. Aitchison J. *Words in the mind: An Introduction to the Mental Lexicon*. 2003. Oxford: Blackwell, 223 p.
5. Baker C., Prys Jones S. *Encyclopedia of Bilingualism and Bilingual Education*. 1998. Bristol: Multilingual Matters, 784 p.
6. Crystal D. *Words, words, words*. 2006. Oxford: Oxford University Press, 215 p.
7. Étiemble R. *Parlez-vous franais?* 1964. Gallimard. 436 p.
8. Frances W. *Bilingual Semantic and Conceptual Representation* *Handbook of Bilingualism: Psycholinguistic Approaches* / Ed. by Judith F. Kroll, Annette M.B. de Groot. 2005. Oxford: Oxford University Press, 2015, p. 251-268.
9. Haspelmath M., Tadmor U. *Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook* / Ed. by Haspelmath M., Tadmor U. 2009. Berlin: Mouton de Gruyter, 1081 pp.
10. Jarema G., Libben G. *The mental lexicon*. Volume 2. No 1. 2008. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 147 p.
11. Kuperman V., Jarema G., Libben G. *The Mental Lexicon Polylogue*. *Polylogues on the Mental Lexicon: An exploration of fundamental issues and directions*. 2010. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1-23 pp.
12. Odlin T. *Cross-Linguistic Influence*. *Language Transfer: Cross-Linguistic Influence in*

- Language Learning. Chapter 15.* 1989. Cambridge: Cambridge University Press, p. 436-478, URL: http://www.blackwellpublishing.com/content/BPL/Images/Content_store/WWW_Content/9780631217541/16Chap15.pdf (Accessed: 20.04.2022)
13. Paivio A. Mental Representations. A Dual-Coding Approach. *Oxford Psychology Series.* 1990. No.9. Oxford: Oxford University Press, 322 p.
 14. Pavlenko A. New Approaches to Concepts in Bilingual Memory. *Bilingualism.* 2000. V.3, no. 1. P. 211-212.
 15. Soanes C., Stevenson A. Oxford Dictionary of Current English. New York: Oxford University Press, 2006. 1074 p.
 16. Stemmer B., Harry A. Whitaker Handbook of the Neuroscience of Language. 2018. New York: Academic Press, 505 p.
 17. Thomason S.G. Language contact: An Introduction. 2001. Edinburgh: Edinburgh University Press,. 320 p.
 18. Zareva A. Structure of the second language mental lexicon: how does it compare to native speakers' lexical organization? *Second Language Research.* 2007. V.23, no. 2, p. 123–153. URL: <http://www.jstor.org/stable/43103733> (Accessed: 27.04.2022)

Информация об авторах

Бовшик Александр Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент, Институт иностранных языков, современных коммуникаций и управления, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9482-5449>, e-mail: bovshikas@mgppu.ru;

Гайворонская Светлана Олеговна, бакалавр лингвистики, магистрант программы “Лингвистика” кафедры лингводидактики и межкультурной коммуникации, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2658-7826>, e-mail: gaivoronskaya.light@gmail.com

Information about the authors

Aleksandr S. Bovshik, PhD. in Philology, Associate Professor, Moscow State University of Psychological and Education (MSUPE), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9482-5449>, e-mail: bovshikas@mgppu.ru

Svetlana O. Gaivoronskaya, BA in Linguistics, a graduate student of Department of Language Education and Intercultural Communication, Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2658-7826>, e-mail: gaivoronskaya.light@gmail.com

Получена 17.06.2022
Принята в печать 01.07.2022

Received 17.06.2022
Accepted 01.07.2022